

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

I. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ДЕМОВ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

(Критический обзор)

Вопрос о роли и значении цирковых партий в Византии имеет чрезвычайно большое значение, ибо в борьбе цирковых партий и демов отражалась острая классовая борьба, протекавшая в Византии в V—VII вв., т. е. в то время, когда старая рабовладельческая система отношений с боем уступала место новой общественно-экономической формации. Буржуазные историки, которые рассматривали отдельные явления истории Византии вне общей связи с экономическими и социальными проблемами, не могли решить вопроса о цирковых партиях и демах, и, в частности, выяснить социальный смысл движения демов на рубеже VI и VII вв.

От ошибочного представления А. Рамбо о демах, как об организациях чисто спортивного характера¹, наука освободилась благодаря исследованию Ф. И. Успенского². Русский ученый первый указал на неправильность взгляда А. Рамбо и привел данные, доказывавшие, что демы имели характер народной организации.

Главные положения Ф. И. Успенского стали исходными для исследования С. Манойловича, труд которого „Народ Константинополя в период от 400 до 800 гг.“ хотя и появился еще в 1904 г., но более широкую известность получил лишь много лет спустя, когда на страницах журнала „Byzantion“ был опубликован его французский перевод³.

Главная часть работы С. Манойловича посвящена анализу отдельных сведений источников о демах, их истолкованию и полемике с авторами, занимавшимися до него этими вопросами. Вызывает, однако, удивление, что труд Ф. И. Успенского упомянут в исследовании лишь трижды: один раз по случайному поводу (стр. 671) и дважды с полемической целью (стр. 628 и 651).

Работе С. Манойловича предпослано введение; следующая за ним первая глава „Ипподром, демы и демоны“ содержит доказательство того, что демы являлись корпорациями, в которые было организовано городское население. Демотами называли тех из членов демов, которые носили оружие и в некоторых случаях участвовали в защите

¹ A. Rambaud. De byzantino hippodromo et circensibus factionibus, Paris, 1870.

² Ф. И. Успенский. Партии цирка и димы в Константинополе. „Византийский временник“, т. I, 1894, стр. 1—16.

³ S. Manolović. Le peuple de Constantinople de 400 à 800 après J. c., „Byzantion“, t. XI, 2, 1936, pp. 617—716.

городов от нападения внешних врагов. Автор справедливо опровергает неправильный взгляд А. Рамбо на демы, как чисто спортивные организации, в чем он следует упомянутой статье Ф. И. Успенского, хотя и не дает на нее ссылок.

Вторая глава „Объединение вооруженного народа для отражения нападения Завергана в 558—559 гг.“ посвящена рассмотрению этого эпизода и специально — анализу выражения хроники Феофана *ἐδημιότευσε*¹. С. Манойлович полагает, что это выражение означает „записать в состав демов“, т. е. в состав кадров городской милиции (стр. 628).

В третьей главе автор приводит другие данные, свидетельствующие об участии народа в войнах, и отвечает на вопрос, „когда был впервые вооружен народ“, т. е. демоты. Ответ этот гласит — в 378 г., при императоре Валенте (стр. 633).

В четвертой главе автор устанавливает, что „партии (*τὰ μέρη*) демоса находятся в связи с ипподромом, но тем не менее составляют в действительности народ Константинополя, с его социальными и политическими стремлениями“ (стр. 634). Зрители ипподрома не произвольно примыкают к партии того или другого цвета, а включаются в эти группы по признаку профессии или класса (стр. 643). Необходимо сразу же оговорить, что социальные категории для С. Манойловича совершенно неясны, — он не может их определить с необходимой точностью.

В пятой главе автор приходит к выводу, что „голубые и зеленые населяют разные кварталы и разные части окрестностей Константинополя. Зеленые происходят из низших классов, голубые из высших“ (стр. 644). С. Манойлович попытался поставить вопрос о социальном различии партий венетов и прасинов, однако данное им решение этого вопроса не выдерживает никакой критики. Разделение, предложенное С. Манойловичем, примитивно, строится на случайных признаках и не соответствует действительному положению голубых и зеленых. Автор неоднократно возвращается к вопросу о месте жительства этих групп, считая это обстоятельство важным моментом для определения их классовой принадлежности, однако он несомненно переоценивает значение топографического признака.

В следующей, шестой главе автор связывает вопрос о константинопольском „народе“ с вопросом о православии и монофизитстве (стр. 664—665). Переоценка религиозного момента здесь очевидна.

В седьмой главе автор уделяет главное внимание вопросу о демократизации театра и его связи с народом, а также вопросу о материальных расходах, которые требовались от населения на содержание театра.

Автор указывает на различие между характером театра и составом его посетителей греко-римского времени и позднейшего христианского, т. е. византийского периода (стр. 665—670). Далее С. Манойлович указывает, что не весь народ был организован в демы, что в городах было достаточное количество неорганизованного населения (стр. 671). „Народ имеет значительное влияние на крупные политические изменения, проявляет свою волю и вызывает революцию“, — утверждает С. Манойлович в восьмой главе (стр. 673). Он дает анализ ряда исторических событий, указывая всякий раз на участие в них венетов или прасинов. Рассматривая события, связанные с падением императора Маврикия, он останавливается на роли демов. Но никак нельзя

¹ Theoph. Chronogr. ed. C. de Boor, I, p. 233.

согласиться с его трактовкой событий времени Константина V, где источник упоминает лишь об участии в этих событиях *βυλος*¹, но не демонов.

В девятой главе автор утверждает, что „константинопольский народ был конституционной силой империи“ (стр. 687), что ему принадлежало право смещать и назначать императора (стр. 688). Император не имел полной свободы действий, он должен был считаться с общественным мнением и, следовательно, был в „контакте со своим народом“ (стр. 716). На самом деле никаких „конституционных прав“ константинопольское население не имело, как и права назначать и смещать императора. Но в борьбе за свои интересы народ объединялся и наступал на класс эксплуататоров.

Подводя итоги, С. Манойлович утверждает, что народ городов восточных провинций и Константинополя был наследником эллинистических традиций (стр. 710).

По мнению автора, венеты и прасины представляют не только две различные социальные группировки, но и „топографические“ понятия (стр. 712). В согласии с Ф. И. Успенским автор указывает, что в X в. значение демонов невелико — это лишь остатки их прежнего величия (стр. 713).

„Конституционные права“ народа, по мнению автора, не подлежат сомнению, как и то, что к концу VII в. они были укреплены рядом формальностей и церемоний (стр. 716).

Поставив вопрос о социальном характере демонов, С. Манойлович оказался не в состоянии разрешить эту важную проблему, сведя в конечном счете социальные различия цирковых партий к топографическим. Одна из основных проблем социальной истории ранней Византии не получила разрешения в связи с методологической ограниченностью автора.

Статья И. Янсенса¹, помещенная в том же номере „Byzantion“, что и перевод работы С. Манойловича, озаглавлена „Венеты и прасины при Маврикии, Фоке и Ираклии“. Автор находится под влиянием упомянутой работы С. Манойловича и лишь комментирует основные положения последнего. Анализ участия демонов в тех или иных событиях подменяется в статье И. Янсенса поверхностным описанием их действий. Если у С. Манойловича имеется некоторый интерес и внимание к социальным вопросам, то в работе И. Янсенса его совсем нет. Приводимые автором объяснения событий наивны, а ряд явлений остается без всякого объяснения. Так, например, причины и смысл обострения борьбы демонов в конце VI и начале VII вв. остались необъясненными. Решение этого вопроса возможно лишь на основе изучения основных проблем социально-экономической истории и классовой борьбы этого времени.

В связи с работой И. Янсенса встал вопрос о том, к какой партии принадлежал и чьей поддержкой пользовался император Маврикий. И. Янсене считала, что это были прасины. Ф. Дельгер полагал, что Маврикий был связан с голубыми². А. Грегуар также занимался вопросом о политических и религиозных взглядах Маврикия, которого он считал монофизитом и „зеленым“³. Фоку А. Грегуар рассматривал,

¹ Janssens. Les Bleues et les Verts sous Maurice, Phocas et Heraclius. „Byzantion“, t. XI, 1936, p. 499—536.

² F. Dölger. „Byzantinische Zeitschrift“, B. XXXVIII, 1938, S. 526—527.

³ H. Grégoire. Maurice le Marcioniste, empereur arménien et „vert“. „Byzantion“, t. XIII, 1938, p. 395—396.

как сторонника голубых, тогда как хорошо известно, что именно Фоку поддержали при его выдвижении на престол прасины.

Таким образом и в этом отношении статья И. Янсена в основных своих положениях не выдерживает критики: взгляды автора не обоснованы данными источников.

Ф. Дворник в статье, рассматривающей положение цирковых партий, „их развитие и подавление“¹, утверждает, что в ранней Византийской империи народ имел большие возможности высказывать свое мнение по поводу вступления на престол того или другого императора; мнение народа выражали якобы цирковые партии. Значительное место, по мнению автора, занимал в государстве сенат, оказывая влияние на все дела. Вселенские соборы Дворник рассматривает, как клерикальный сенат, который пользуется большей независимостью, чем гражданский сенат (стр. 121).

В остальных вопросах Ф. Дворник не является оригинальным, утверждая, в частности, что голубые были аристократическим консервативным элементом, а зеленые, которых поддерживали ремесленники и крестьяне, составляли демократию (стр. 124). Такая точка зрения является более примитивной и поверхностной, чем взгляд С. Манойловича, правильно считавшего, что в состав дема входили разнородные социальные элементы.

Ф. Дворник, как и его предшественники, связывает цирковые партии с различными религиозными течениями, которые брали верх, в зависимости от победы той или иной партии (стр. 125).

Не оригинальна в работе Ф. Дворника и характеристика взаимоотношений византийских императоров с партиями цирка; эти отношения он ставит в прямую зависимость от религиозных симпатий императоров. Маврикия он связывает с венетами (стр. 128). При Ираклии, по его мнению, борьба партий затихает, что Ф. Дворник готов объяснить то ли объединением всех сил перед общей опасностью, то ли тем, что Ираклий, „солдат на троне“, привел цирковые партии к повиновению (стр. 129). По мнению автора, значение цирковых партий с этого времени было утрачено, а связи Константа II (642—668) с партиями уже не имели прежнего значения.

Некоторые основания имеются и для высказанного в статье предположения, что Лев III Исавр покончил с политической организацией демов (стр. 131, 133). Положения партий в последующее время Ф. Дворник уже не затрагивает.

Совершенно на иной и единственно научной методологической основе вопрос о демах разрабатывается лишь историками-марксистами, для которых несомненным является классовый характер борьбы демов. Исследования советских ученых поставили и по-новому разрешили проблему, которая в течение многих десятилетий не находила правильного решения.

Статья покойного профессора А. П. Дьяконова „Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.“ была опубликована в 1945 г. в „Византийском сборнике“.

Как показал А. П. Дьяконов, центром организации демов являлись кварталы — гейтонии, причем демоты, составлявшие сравнительно небольшую часть населения, противопоставлялись византийскими авторами неорганизованной массе (ὄχλος) (стр. 156—157).

¹ F. Dvornik. The circus parties in Byzantium, their evolution and their suppression. „Byzantina — Metabyzantina“, t. I, 1, New York, 1946.

Подробно останавливается А. П. Дьяконов на вопросе о зачислении новых членов в демы, отмечая существование известных о списках (хартии, представленные императору Маврикию в 602 г.), включавших только военнообязанных демотов¹. А. П. Дьяконов переходит далее к вопросу о старейшинах демов (стр. 158), указывает, что демы были подчинены епарху и ночному епарху (стр. 160), отмечает связь демов с местным культом, первоначально с языческим храмом, а позднее — с христианским (стр. 162).

А. П. Дьяконов освещает также вопрос о корнях организации демов. По его мнению, византийские демы представляли собою учреждение, непосредственно развившееся из античных и эллинистических демов, т. е. территориальных общин (стр. 150).

Во второй части работы А. П. Дьяконов останавливается на рассмотрении происхождения и организации факций (τὰ μέρη), т. е. цирковых партий. По мнению автора, эти спортивные организации, на которых лежала материальная забота об ипподроме и ристаниях, „возникли на ипподроме“, ибо само их наименование (τὰ μέρη) обозначает участки амфитеатра (стр. 179). При этом А. П. Дьяконов высказывает предположение, что система четырех факций (прасины, венеты, русии и левки) возникла в Антиохии (стр. 181). Это представление об искусственном введении системы четырех факций в столице противоречит известиям о распространенности этой организации и ее тесной связи с кварталами.

Факции, будучи спортивными организациями, объединяли в то же время демы и представляли собою единственные широкие объединения демов. Поэтому они были использованы демами для политической борьбы (стр. 187).

Справедливо А. П. Дьяконов придает большое значение социальному составу демов и факций. А. П. Дьяконов исходит из распределения факций по кварталам, примыкая в этом вопросе к С. Манойловичу и лишь уточняя его отдельные выводы (стр. 190, прим. 2). Он приходит к заключению, что гейтонии венетов находились в старом городе и его предместьях, а гейтонии прасинов — за стеной старого города, в городе Константина. На основании этого А. П. Дьяконов считает возможным утверждать, что гейтонии венетов были населены „старыми византийцами“, землевладельцами, аристократами и их „клиентами“. В городе Константина население было новое: здесь, где располагались главные рынки и многочисленные эргастерии, преобладающее население составляли „купцы и рабочие“ (стр. 190, 195 — последний термин, разумеется, неудачен).

А. П. Дьяконов, критикуя С. Манойловича, показывает, что венетов нельзя отождествлять с „высшими классами“, а прасинов — с „низшими“ (стр. 145 и 192): состав каждой факции был сложным и в пределах одной и той же факции имели место социальные противоречия.

А. П. Дьяконов стремится, далее, выяснить экономические, политические и религиозные противоречия, которые существовали между представителями верхушки обеих факций, после чего переходит к характеристике междоусобий факций и восстаний демов. При этом, отвергая положение С. Манойловича, он правильно указывает, что все движения демов не могут быть сведены под одну рубрику борьбы „низших

¹ Немногочисленность имен в этих списках (1500 прасинов и 900 венетов) может быть отнесена не за счет вооруженной части демов — демотов; возможно, что эти списки включали лишь состоятельную верхушку демов.

классов“ (прасинов) против „высших классов“ (венетов) (стр. 203). Особое внимание А. П. Дьяконов уделяет совместным выступлениям рядовых членов демов против правительства, против господствующих классов (стр. 206—207). В заключение А. П. Дьяконов останавливается на характеристике отношения отдельных императоров V—VII вв. к факциям.

Богатая содержанием, статья А. П. Дьяконова внесла много нового в вопрос о факциях и демах. Но нельзя согласиться с тем, что А. П. Дьяконов характеризует политический строй Византийской империи как „своеобразное сочетание трех конституционных факторов: монархии, аристократии... собрания демов“ (стр. 171); он говорит в то же время и о „конституционной силе“ демов. А. П. Дьяконов утверждает даже, что византийские императоры видели в демах источник своей власти (стр. 174). Таким образом, государству дается неправильная чисто формальная, юридическая характеристика.

Экономические и политические противоречия между факциями и в пределах их не были вскрыты А. П. Дьяконовым с достаточной ясностью (стр. 199—200); не удалось ему показать и классовые корни идеологической борьбы между православием и монофизитством (стр. 200—201): разумеется, проблема борьбы между православием и монофизитством не исчерпывается противопоставлением „греческих“ провинций „восточным“.

Чисто внешние поводы, которые А. П. Дьяконов указывает в качестве причин восстаний демов (стр. 212—213), не дают представления о подлинных социальных противоречиях, породивших эту ожесточенную борьбу. Наконец, А. П. Дьяконов переоценил роль столицы в политической жизни страны и придал чрезмерно большое значение ориентации императоров на венетов или прасинов. На самом же деле направление политики византийских императоров зависело не от ориентации на ту или иную цирковую партию, не от склонности императора к монофизитству или диофизитству, а от совокупности экономических, социальных и политических причин.

М. В. Левченко, привлекая некоторые новые материалы, развил основные положения статьи А. П. Дьяконова¹. Интересна четкая характеристика, данная М. В. Левченко борьбе демов и цирковых партий, которая была „сложна и многообразна“. „Основной линией борьбы“ М. В. Левченко считает борьбу „между народными массами и распадавшейся на две группы верхушкой общества“ (стр. 176). М. В. Левченко указывает на известную политическую роль партий венетов в конце VII в.

Вопрос о характере движения демов был по-новому поставлен пишущей эти строки в монографии „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.“ (1946), в которой развита мысль о том, что в рассматриваемый период имел место кризис рабовладельческой системы производства в Византии, разрушались основные устои прежней общественной жизни. Происходившее в это время движение демов было сильно тем, что к нему присоединялись восставшие городские низы, колонны, рабы, которые сплывались в наиболее острые моменты классовой борьбы и совместно выступали против эксплуататоров. Автор монографии „Византия и Иран“ применила на конкретном историческом материале гениально сформулированное И. В. Сталиным положение, что „изменения производственных

¹ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский временник“, т. I, 1947, стр. 164—183.

отношений и переход от старых производственных отношений к новым“ происходят „обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых“¹.

Н. В. Птулевская

„ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО“ СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Обзор сборника *Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization, edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss, Oxford, At the Clarendon Press, 1948.*

В зарубежной исторической литературе можно наблюдать резко возрастающий с конца XIX в. интерес к проблемам византиноведения. При этом установившиеся в современном буржуазном византиноведении воззрения коренным образом отличаются от старых взглядов Гиббона в том отношении, что византийское государство уже не подвергается осуждению с позиций либерального антиклерикализма, но наоборот — всячески идеализируется. Так, например, французский историк Л. Брейе в самом начале своей книги „Жизнь и гибель Византии“ прежде всего подчеркивает огромное значение этого государства, состоящее, по его мнению, в том, что оно спасло античную цивилизацию и защитило Европу от варварских вторжений с востока².

Этот интерес к истории Византийской империи и ее идеализация объясняются рядом причин социально-политического порядка. В советской историографии давно уже было отмечено, что интерес к проблемам византиноведения в буржуазной исторической науке теснейшим образом связан с нарастанием реакционности буржуазной историографии эпохи империализма, в связи с чем Византия стала привлекать внимание идеологов господствующего класса как сильное централизованное государство, располагавшее значительными возможностями для подавления сопротивления трудящихся масс³. Повышение интереса к истории Византии в буржуазной медиэвистике происходило параллельно тому, как в историографии античности внимание историков переключалось с Афинской демократической республики на эпоху эл-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, II изд., стр. 561.

² L. Bréhier. Vie et mort de Byzance, Paris, 1947, p. 1. Критический разбор воззрений Л. Брейе см. у Э. В. Удальцовой, „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 337 и сл.

³ Э. В. Удальцова. Рецензия на книгу Л. Брейе, „Византийский временник“, т. II, 1949; М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, VI, 1949; А. П. К а ж д а н. Рецензия на работу Д. Ангелова. „Византийский временник“, т. III, 1950.

Начало идеализации византийского политического строя было положено французским публицистом А. Пайаром в книге, вышедшей в свет вскоре после Парижской коммуны. Пайар подчеркивал неизменность тех политических принципов, на которых строилась византийская государственность и которые он видел в сочетании монархического принципа с „суверенностью народа (!), выразившейся в голосовании или одобрении“ (A. Paillard. Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople, Paris, 1875, p. 331 ss.). Политический смысл концепции А. Пайара — идеализацию режима Наполеона III — правильно вскрыл еще русский историк П. В. Безобразов в рецензии на книгу В. М. Грибовского „Народ и власть в Византийском государстве“, ЖМНП, ч. 319, 1898, стр. 425.